

Небо усыпали яркие звезды. Ночь выдалась на удивление сухой и тихой — ни намека на привычный ледяной дождь.

Бру шагал сквозь лесную чащу, его тяжелая поступь мерно сотрясала землю.

Юнь Фэй крепко спал. Погруженный в грезы, он ворочался с боку на бок и едва не сорвался вниз. Лишь живая лоза, вовремя оплетшая его упругим коконом, уберегла юношу от падения.

Резкий порыв холодного ветра ударил в лицо, остужая испарину на лбу. Привалившись к шероховатой коре, Юнь Фэй шумно выдохнул и прижал ладонь к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Почувствовав, что пассажир проснулся, старый треант замер.

— Господин?

— Всё в порядке, — Юнь Фэй приоткрыл глаза. Сон улетучился без следа. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он спросил: — Расскажи мне лучше о Черной Сосне из Равнинного города. Ты говорил, он охраняет границу?

— Те, кто несет службу на рубежах, — совершенно особый народ, — убедившись, что с юношей всё хорошо, Бру возобновил свой неторопливый, но скорый ход.

— И в чем же их особенность? — Юнь Фэй лениво потянулся к кокону из лозы. На ощупь жесткие стебли оказались на удивление податливыми; они послушно прижали чешуйчатые шипы, льнув к ладони гладкой кожей.

— В эпоху расцвета Владения Снежной Сосны у нас насчитывалось более тысячи треантов, и половина из них несла дозор на границе. Эти исполины веками жили бок о бок с опасностью, не выпуская оружия из рук. Суровые битвы выковали их характер, сделав жесткими и невероятно воинственными, — пояснил старик.

— И это плохо? — любопытствовал Юнь Фэй.

— Вовсе нет, — Бру ненадолго задумался, подбирая слова. — Просто обычные треанты предпочитают мирно дремать веками. А пограничники... у них слишком крутой нрав.

Древесный народ и без того славился сокрушительной мощью, но стражи окраин превосходили сородичей во всём. В золотой век Снежной Сосны их слава гремела так грозно, что в соседних землях говаривали: «Лучше сойтись в бою с целым конным орденом, чем разгневать пограничного треанта». Столкновение с ними означало верную гибель.

— И Черная Сосна — один из них?

— Да. Люк куда старше меня. Он не раз сходил лицом к лицу с огненными демонами, — честно признался Бру. Он глухо вздохнул, сочтя нужным предупредить Юнь Фэя: — Будь с ним осторожен, господин. Мы не виделись больше полувека, и я не знаю, во что превратился его разум за эти долгие годы одиночества.

Любопытство Юнь Фэя лишь разгорелось сильнее. Скорая встреча теперь манила его, обещая нечто захватывающее.

Заметив, что юноша погрузился в свои мысли, старый проводник умолк. Он лишь ускорил шаг, увлекая за собой горстку новорожденных треантов на восток.

В это же время в Равнинном городе гулял легкий ночной ветерок, разнося по пустынным улицам странный, дурманивший цветочный аромат.

Перепуганные до смерти завсегдатаи местной таверны едва держались на ногах. Подпирая друг друга плечами, они осторожно пробирались мимо вздыбившихся из-под земли корней, спеша укрыться в своих жилищах. Дрожащими руками кое-как отперев замки, люди ныряли в дома, со стуком захлопывали двери и, обессиленно сползая по косякам на пол, закрывали лица руками. Они тяжело, со свистом дышали, не веря, что сумели уцелеть в этой заварухе.

Тем временем у коновязи перед таверной переступали с ноги на ногу боевые кони. Чуя неминуемую гибель, скакуны тревожно прядали ушами, храпели и рыли копытами землю.

Но окна и двери питейного заведения уже намертво заблокировали тяжелые отростки. Оставшиеся внутри рыцари физически не могли услышать возню своего транспорта. Пытаясь спастись, кони рвали поводья, обрывали кожаные ремни и в панике неслись прочь по растрескавшейся, перекореженной мостовой.

Однако у самого выезда из города им преградила путь живая стена. Сплетенные лозы, густо усыпанные гроздьями нежно-розовых и белых цветов, лениво покачивались на ветру, источая сладкий яд своего благоухания.

Ошалевшие животные пытались протаранить преграду, но безуспешно. Гибкие побеги мгновенно оплели их ноги. Секунда — и весь табун запутался в живой петле, лишившись возможности даже шевельнуться.

За этой преградой пировали рыцари Ордена Гигантского Медведя. Не подозревая о ловушке, они глушили эль кружка за кружкой. Хмель быстро взял свое: воины захмелели, один за другим роняя буйные головы на дубовые столешницы.

Дольше всех держался капитан. Кое-как поднявшись и опираясь на край стола, он

пошатывался, пока брел к барной стойке с явным намерением расплатиться. Пальцы, окоченевшие от выпитого, подвели его. Кожаный кошель с глухим стуком шлепнулся на пол. Завязки лопнули, и наружу брызнули серебряные монеты с чеканными профилями короля. Одна из них с тихим звоном покатила по щелям половиц прямо под стойку, исчезнув во тьме.

— Что за... чертовщина? — пробормотал он.

Язык заплетался, перед глазами всё плыло. Капитан качнулся и навалился грудью на стойку. Удар пришелся прямо под дых. Даже кольчуга не смягчила резкую боль; мужчина болезненно шикнул, но в голове немного прояснилось.

Поняв, что растерял монеты, он мотнул головой, пытаясь стряхнуть пьяный угар, и нагнулся.

И в то же мгновение, когда его взгляд опустился к полу, из темноты бесшумно вырвался острый, как пика, черно-бурый корень. Он с легкостью пробил закаленную сталь доспеха, вонзился в грудь и вышел между лопаток, разбрызгивая вокруг тяжелые багровые капли.

Кап. Кап.

Кровь побежала по волокнистой древесине. Тяжелые сгустки лениво срывались вниз, исчезая в щелях между досками и застывая там зловещим темным узором.

Капитан опустил голову. Смертоносный корень скользнул обратно в тень, оставив в его груди сквозную рану. Сердце было разорвано в клочья.

Грузное тело рухнуло навзничь, с грохотом повалившись на пол. Лицо мертвеца застыло: широко распахнутые глаза выражали не страх и даже не боль, а тупое, бесконечное изумление.

Его подчиненные так ничего и не заметили — они спали мертвецким сном, оглашая таверну пьяным храпом.

Из-за стойки медленно вышел старый Люк. С глухим скрипом распахнулись ставни и двери. Ворвавшийся сквозняк вмиг загасил оплывшие свечи, погрузив зал в полный мрак. На воле резвились корни-убийцы. Они бесшумно скользили по полу, вытягивали острые жала и методично, одного за другим, лишали жизни спящих воинов.

Старик наблюдал за этой бойней без тени эмоций. Ни злорадства, ни жалости — просто грязная, но необходимая работа.

Когда последний из заезжих латников испустил дух, Люк зажег масляную лампу. Спрятав свои смертоносные отростки под половицы, он неторопливо побрел среди столов, ведя подсчет трупов.

— Ну надо же, рыцари Гигантского Медведя... Сколько лет, сколько зим, — прошептал он.

Остановившись у тела командира, старик наклонился и поднял его тяжелый двуручник. Стоило ему разглядеть выгравированное на гарде клеймо, как его бесстрастное лицо исказила суровая гримаса.

Век назад, когда орды огненных демонов хлынули на земли Снежной Сосны, Орден рыцарей Снежной Сосны оказался на грани истребления. Тогда «Медведи» наплевали на прямой приказ из столицы. Мало того — они сознательно пустили по ложному следу шедшие на выручку отряды других лордов. Снежная Сосна осталась один на один с бездной, отрезанная от всего мира.

Люк крепче сжал рукоять трофейного меча и наставил острие на грудь мертвеца, туда, где зияла рваная дыра.

Когда-то Равнинный город был грозной крепостью на рубеже Снежной Сосны. Здесь несли службу без малого сто треантов. Но после предательства союзников и сокрушительного удара демонов гарнизон пал. Крепость поглотило бушующее пламя, выжить в котором повезло лишь ему одному.

Все его сородичи погибли в том бою. А он остался — влачить жалкое существование среди руин.

Целое столетие он копил обиду. Каждое новое годовое кольцо в его теле нарастало не от мирного течения времени, а от жгучей, иссушающей злобы. Год за годом надежда на отплату таяла, грозя обратиться в прах вместе с памятью о павших. Но судьба распорядилась иначе: юный наследник пробудил древнюю кровь, перевернув ход истории.

— Долг платежом красен, — тихо произнес Люк. — А кровь смывается только кровью.

Вновь налетел ветер, принося приторный аромат цветов, который теперь смешался с густым, медным запахом свежей бойни.

Люк покинул таверну и направился к центру площади, где высился деревянный помост. Обычно с него вещал местный судебный пристав, а сразу после речей устраивали казни — вбивали столбы, ладили петли и под улюлюканье толпы вздергивали разбойников и татей.

Преодолев последнюю ступень, старик замер. А мгновение спустя его тело начало стремительно меняться.

Прямо посреди площади в небо вымахала исполинская черная сосна. Ее крона, подобно раскидистому куполу, затянула небосвод, а ветви потянулись во все стороны, укрывая поселение вечной, непроглядной тенью.

А в темном, пустом погребе под таверной исходил злобой запертый там судебный пристав.

Он бесследно пропал больше десяти дней назад. В ту пору земля то и дело содрогалась от толчков, и исчезновение судебного пристава лишь подлило масла в огонь всеобщей паники. Перепуганные горожане быстро сошлись во мнении, что чиновник пронюхал о скорой катастрофе и трусливо сбежал в столицу, бросив их на произвол судьбы.

Слухи крепили, страх рос, и люди потянулись вон из города целыми семьями. Очень скоро процветающее местечко опустело — в нем осталось едва ли с десятков жилых дворов.

И сам заброшенный город, и плененный в подвале судебный пристав были личным подарком Люка новому повелителю. Тридцать рыцарей-медведей оказались незапланированной добычей, но раз уж они сами пожаловали в силки, выпускать их живыми старый пограничник не собирался.

Исполинское дерево высилось на площади, запустив корни глубоко в землю, и терпеливо ждало законного хозяина Снежной Сосны.

Едва восток окрасился первыми бледными лучами зари, у окраины Равнинного города раздались тяжелые шаги.

Юнь Фэй раздвинул густые ветви и, оглядев открывшуюся картину, растерянно обернулся к Бру:

— Мы точно не сбились с пути?

Увиденное никак не походило на обитаемый форпост.

Повсюду громоздились руины. Дома скособочились, мостовые провалились — казалось, здесь только что прошел разрушительный катаклизм.

Из уцелевших на окраине лачуг донеслись испуганные крики. Двери распахнулись, и наружу выскочили бледные беженцы с узлами на плечах. Однако едва они увидели перекрывшие дорогу узловатые корни, как от ужаса у них перехватило дыхание. Не помня себя, несчастные бросились обратно, забаррикадировали двери и затихли, боясь издать хоть звук.

А в самом центре этого хаоса возвышалась сосна-великан высотой не меньше пятидесяти метров. У ее подножия копошились черно-бурые плети — сородичи сопутствующей лозы, но куда более свирепые на вид.

— Это он, мой лорд. Это Люк, — негромко проскрежетал Бру.

Почувствовав приближение гостей, исполин зашевелился. Он медленно высвободил мощные корневища из земли и двинулся навстречу Юнь Фэю. Каждый его шаг заставлял почву содрогаться.

По мере его продвижения хищные лозы позади расступались, обнажая высокие каменные столбы. На каждом из них, точно трофеи, висели растерзанные доспехи и тяжелые мечи, принадлежавшие сгинувшим рыцарям.

С каждым шагом приближающегося великана Юнь Фэй всё сильнее ощущал тяжелую, давящую ауру мощи и явственный металлический запах пролитой крови.

В пяти шагах от юноши Черная Сосна подобрал ветви, и огромное дерево в мгновение ока превратилось в седовласого старца с серыми, как гранит, глазами. Его мягкая, добродушная улыбка разительно контрастировала с царившей вокруг разрухой.

— Приветствую вас, наследник славного рода Снежной Сосны и законный владыка этих земель.

Юнь Фэй помнил предостережение Бру о крутом и безжалостном нраве пограничников, с которыми шутки плохи. Жестом попросив Бру опустить его на землю, он вежливо поклонился старому воителю:

— Для меня это огромная честь.

— Зовите меня просто Люком, — радушно отозвался старик, явно довольный манерами молодого господина. — Я приготовил для вас скромный подарок. Надеюсь, он придется вам по душе.

— Подарок? — удивился Юнь Фэй. Такого приема он не ожидал.

— Да, он ждет вас в винном погребе, — Люк указал рукой в сторону полуразрушенной таверны.

— Что ж, веда, — без колебаний согласился юноша.

Улыбка Люка стала еще шире. Он скользнул взглядом по Бру и плетущимся позади молодым трепантам, еще не умевшим принимать человеческий облик, и его довольное лицо помрачнело:

— Бру, дружище, чем ты только занимался все эти годы? Неужели растерял все былые навыки?

Бру лишь угрюмо промолчал. Многолетний опыт подсказывал, что спорить с Люком — себе дороже. Проще смолчать и сойти за дурака.

Новорожденных трентов оставили караулить у входа в таверну — одного их грозного вида хватало, чтобы удерживать остатки местных жителей от глупых поступков.

В самом заведении царил первозданный хаос вчерашней резни. На полу запеклись лужи темной крови.

Люк снял с гвоздя масляную лампу, толкнул потайную дверь за стойкой и жестом пригласил Юнь Фэй и Бру следовать за ним в подземелье.

В погребе пахло сыростью и могильным холодом. В кромешной тьме хоть глаз выколи.

Стоило Люку войти и повесить лампу на крюк, как из угла с диким воплем кто-то выскочил. Нападавший целился в старика, но промахнулся и с маху приземлился лицом в земляной пол, со звоном выбив передний зуб.

— Вот и ваш подарок, — невозмутимо произнес Люк.

Пленник поднял голову. Его породистое, когда-то смазливое лицо покрывала корка грязи, а из разбитого рта на нечесаную бороду хлестала кровь. Шепелявя из-за выбитого зуба, он иступленно закричал:

— Будь ты проклят, Люк, грязный ты выродок! Выпусти меня сейчас же, или я живьем с тебя шкуру спущу!

Просидев в темноте полторы недели, этот дурак явно отстал от жизни. Понимай он, кто перед ним стоит, поостерегся бы таякать.

— И это подарок? — Юнь Фэй окинул пленника скептическим взглядом. Сам он не считал себя жестоким, но ситуация выглядела довольно двусмысленно.

— Мой лорд, перед вами Надро, судебный пристав Равнинного города и кузен самого Лорда Акации, — Люк поморщился от истощных воплей пленника и бесцеремонно прижал его сапогом к полу, заставив умолкнуть.

— Из рода Акации? — Юнь Фэй удивленно приподнял бровь, пропустив мимо ушей новое почтительное обращение старого трента.

— Так точно. Самая что ни на есть прямая ветвь. Кузен пользуется безграничным доверием своего покровителя — ему доверили присмотр за рубежами и сбор дани с двух богатых шахт, — пояснил Люк.

Юнь Фэй опустил взгляд на хрипящего под сапогом чиновника. В его голове защелкали

невидимые счета, выводя итоговую сумму выкупа. В этот миг грязный наместник показался ему прекраснее горы чистейшего золота.

<http://bllate.org/book/18992/1916182>